

УДК 31

Концептуальный анализ феномена власти

С. В. Голубев, доктор философских наук, доцент

Статья посвящена концептуальному анализу феномена власти. Показывается принципиальная ограниченность преобладающего в современной социальной науке понимания власти как возможности «навязать свою волю». Разрабатывается трактовка власти как средства установления ценностно-нормативного порядка социального взаимодействия.

Conceptual Analysis of the Power Phenomenon

S. Golubev, PhD in Philosophy, Associated Professor

The article presents the conceptual analysis of the Power phenomenon. The author shows the principal scantiness of the prevalent in modern social sciences understanding of the power as «the possibility to impose one's will». He worked out the interpretation of the Power as the means of establishing value-normative order of social interaction.

Власть принято считать одним из основополагающих феноменов социального бытия. Соответственно, понятие власти — одно из ключевых в социальной науке и прежде всего в политологии. Неслучайно со времени становления последней именно в ее рамках осуществляется большая часть исследований феномена власти. Это, в общем-то, нормальное положение дел, не стоило бы упоминания в нашем случае, если бы не оборачивалось своего рода политологической «экспансией» в область концептуально-теоретического, философского осмысления власти.

Сегодня ситуация такова, что в философской литературе стало едва ли не нормой использование политологических определений власти. Хорошим индикатором здесь служат издания энциклопедического характера. Представленные в них дефиниции построены, как правило, на концептуальной основе предложенного М. Вебером понимания власти как возможности проводить собственную волю. «Философский энциклопедический словарь» (1983) просто повторяет это определение [1, с. 85]. «Философский энциклопедический словарь» (1997) (другая эпоха, другая философия) определяет власть следующим образом: «Власть, в отличие от физического насилия, — сила, оказывающая воздействие на тело, душу и ум, пронизывающая их, подчиняющая другого закону своей воли. По существу своему она подобна авторитету. Коррелятом ее является уважение... Власть нуждается в оправдании... Власть присуща нечто демоническое» [2, с. 70]. Не комментируя эти характеристики власти, заметим лишь, что суть ее здесь сформулирована также: «сила, подчиняющая другому закону своей воли». В «Новейшем философ-

ском словаре» энциклопедического объема статья «Власть», в которой перечисляются различные «подходы» к пониманию феномена власти, завершается выводом о том, что для современного состояния исследований характерен «переход от попыток дефиниции власти к ее систематическому описанию» [3, с. 124]. В этом утверждении показательны как логическая несостоятельность неявно содержащегося в нем представления о возможности «систематического описания» неопределенного, так и то, что оно представляет собой типологический образец инфильтрации политологического мышления в философию, пример псевдонаучного, именно нефилософского, «описательного» подхода к феномену власти.

В «Новой философской энциклопедии» указывается: «Власть — возможность оказать воздействие на что-то и на кого-то. Власть тесно связана с господством и авторитетом. М. Вебер определил власть следующим образом: «Власть состоит в способности индивида А добиться от индивида Б такого поведения или такого воздержания от действий, которые Б в противном случае не принял бы и которое соответствует воле А. В современной политической науке наиболее известны четыре модели власти...» и т. п. [4, с. 418]. Здесь в качестве определения власти, если не считать таковым первое предложение, просто приводится цитата из работы Вебера (причем без ссылки, что придает такому цитированию несколько догматический вид), а далее, как само собой разумеющееся, в философской энциклопедии, пусть даже и «новой», излагаются «модели власти», «наиболее известные в политической науке». Для полноты картины заслуживает, наверное, быть упомянутым, несмотря

на давность, и то красноречивое обстоятельство, что в «Философской энциклопедии» статья «Власть» вообще отсутствует. Таким образом, создается положение, когда философия, не обладая собственным определением власти, вынуждена выстраивать концептуальное ее понимание на политологическом основании. Помимо самоочевидной философской бесперспективности подобных построений, возникает еще и гносеологическое недоразумение, так как философия, должна быть метатеорией для политологии, меняется с ней местами.

Кроме того, необходимо понимать и помнить, что власть не локализуется исключительно в политической сфере — это куда более широкий феномен. Сегодня она изучается едва ли не всем спектром социальных наук и даже естественными науками, например этологией и кибернетикой. Как отмечает американский ученый Болл: «Власть — слово, которое слышишь повсюду» [5, с. 29]. Поэтому важно, чтобы и в теории, и на практике не создалась ситуация, когда «у семи нянек дитя без глазу», чтобы в разнообразии «подходов» не было утрачено понимание сущностного единства власти. Объективная незаменимость и необходимость ее философского анализа должны сегодня осознаваться яснее, чем прежде, ибо они лишь подчеркнуты усилиями политологии и других наук. Только философия может создать понятийный базис-каркас постижения власти как таковой, преодолеть растворение, затушевание ее сущности в массе описаний с различных «точек зрения».

Одним из препятствий на пути философского постижения сущности власти является тесная связь ее изучения с идеологической проблематикой. Изучать «аксиомы власти» — это, конечно, не то же, что изучать аксиомы геометрии. По словам американского политолога Конноли, «Полемика вокруг собственно понятия и толкования власти представляет собой часть более широкой идеологической дискуссии. Склонить других принять мое личное понимание власти — это значит «обратить» их, в какой-то мере заставить принять мою политическую идеологию» [5, с. 38]. Но из известной правомерности этого утверждения нельзя заключить о невозможности объективного изучения власти. Как раз подобное заключение само носило бы идеологический характер, по сути легитимируя любое субъективное толкование ее происхождения, роли и функций. Речь должна идти о необходимости распознавания и минимизации идеологических искажений при анализе власти. И для этого тоже ее понимание должно строиться на философском поле и философскими средствами. Конкрет-

но, сфера борьбы за власть, политических «технологий» должна быть оставлена политологам. Надо избегать и таких эмоционально окрашенных и нагруженных негативными смысловыми коннотациями понятий, как «господство», «насилие», «навязывание воли». Они стали своего рода идолами, в бэконовском смысле, и, не имея отношения ни к науке, ни к философии, лишь привносят в них идеологический привкус.

Объективно, воля, если не прибегать к метафорам вроде «воли господствующего класса», есть качество индивидуального сознания, нечто, характеризующее внутренний мир индивида, с научной точки зрения, это собственно *психологическое* понятие и явление. Реальная практика общественной жизни показывает, что обладание властью может способствовать осуществлению собственной воли, но может и препятствовать. Это зависит от конкретной ситуации (вспомним хотя бы королей, которые «не могут жениться по любви»), и, как раз в «общем смысле», власть не может быть понята как «способность осуществлять свою волю». Как замечает Н. Луман, «и самого власть имущего требуется порой принуждать к исполнению своих властных функций» [6, с. 37]. Что касается слова «сила» (о «насилии» не стоит и говорить, ибо это сугубо идеологическое понятие), часто употребляемого в различных определениях власти, то как научный термин оно применимо только для объяснения механических процессов, ибо, строго говоря, сила — это физическое явление. Обращение к «воле» и «силе» в попытках постижения власти есть следствие примитивно органицистского или механицистского понимания общества и, в принципе, закрывает возможности для ее философского осмысления.

Начиная с Платона и Аристотеля и вплоть до Гегеля для философской традиции постижения власти характерно понимание ее в самом общем смысле, как логоса социальной реальности, начала упорядочивающего социальное бытие. При таком подходе власть оказывается связанной и с непосредственным социальным взаимодействием, и с миром ценностей. Власть устанавливает определенные нормы взаимодействия, тем самым упорядочивая его, и побуждает субъектов соблюдать эти нормы, т. е. признавать их в качестве ценностей. Исходя из этого, можно предложить следующее предварительное определение власти в «общем смысле», — власть (ее функция), в сущности своей, есть способ установления основанного на постулировании определенных ценностей нормативного порядка взаимодействия индивидов.

Сущностная взаимосвязь феноменов власти и порядка проявляется при анализе общества. По-

следнее, «по определению», есть нечто упорядоченное. С другой стороны, в любом обществе всегда есть некоторая власть. Общество, таким образом, всегда есть нечто властно-упорядоченное. Как отмечал С. Л. Франк, «...из самого существа общества следует, что во всяком обществе должна существовать какая-то вообще организация, какой-то порядок, что во всяком обществе есть какая-то власть или какой-то авторитет...» [7, с. 32].

Власть устанавливает порядок взаимодействия общий для некоторого количества индивидов и, тем самым, способствует созиданию их единства, общности, причем именно социальной, надприродной, в отличие от естественно-природной, инстинктивной общности, которая существует, например, в семье. Другими словами, власть, определяя порядок взаимодействия, придает последнему форму и является одной из порождающих причин, «*causa formalis*» общества, как системы взаимодействий. Социальный порядок вообще есть совокупность норм, упорядочение — это подведение под норму. Норма — это фиксация некоторого образа действия в качестве должного, общеобязательного, как ценности, это форма бытия ценности в социуме.

Понимание власти как начала, упорядочивающего социум относительно ценностей, находит подтверждение и в анализе языка. Не претендуя, конечно, на разработку «герменевтики власти», что, вообще говоря, представляется весьма перспективным направлением исследования ее сущности, особенно в плане анализа материала сравнительного языкознания, приведем некоторые соображения-примеры. Власть осуществляет подчинение. Но подчинение есть упорядочение. Понятие «чин» означает собственно порядок действий, образец устройства, *лад*. Чинить («доводить до ладу»), налаживать — значит приводить в порядок, восстанавливать норму, возвращать ценность. В белорусском языке, сохранившем более архаичные, по сравнению с русским, варианты произношения многих исконных слов, власть — «улада», т. е. то, что улаживает, устраивает в лад, а подчиняться — «падпарадкоўвацца». Чинить также то же, что и исправлять, править, т. е. слово «править» имеет два значения: управлять и исправлять — чинить. Очень интересные примеры приводит В. И. Даль: «правдитель — хозяин», синонимы: «правдовать, начальствовать, управлять» [8, с. 987].

В латинском языке также прослеживаются подобные связи. Характерно слово «регулировать», в котором слиты два значения: «управлять» и «упорядочивать». Латинское «*rego*» имеет значение не только править, но и «направлять на путь исти-

ны». Как показал в специальном исследовании Э. Бенвенист, «гех — скорее жрец, чем царь в современном понимании, т. е. лицо, обладающее властью... определять черты правопорядка» [9, с. 249]. «*Jus*» означает и закон, и справедливость, а «*jussum*» — приказание, повеление. Понятие «авторитет», особенно для нас интересное в силу его частого употребления при определении власти, имеет значения: достоверность, пример, образец и уже потом — власть, повеление. От корня «*ord*» происходят понятия «правильный», «приводить в порядок», «делать распоряжения», «начинать», «командовать», «субординация» означает подчинение, *падпарадкаванне*.

Таким образом, язык, эта *форма жизни*, по характеристике Л. Витгенштейна, представляет весомые объективные свидетельства теснейшей смысловой взаимосвязи понятий «власть», «управление», «закон» с понятиями «правильность», «правда-справедливость», «истина». В то же время язык не подтверждает связь концептов «власть» и «воля», «сила». Тема «язык и власть» интересна и в общефилософском плане сравнения двух феноменов. Неслучайно исследование сущности власти и философский анализ языка часто оказываются взаимодополняющими, необходимыми составляющими единой концепции. Эта традиция идет еще от софистов с их вниманием и к власти, и к языку, и к их взаимосвязи, через Гоббса, к Фуко с его «генеалогией власти».

И власть, и язык могут быть определены через понятие порядка. По характеристике Фуко, «язык есть основополагающее утверждение порядка в пространстве» [10, с. 116]. Можно сказать, что власть есть, в сущности, то же — это логос в пространстве деятельности. Возможность языка и взаимодействия полагается порядком слов и действий, а не самими по себе словами и действиями. Язык есть «общество» слов. И в языке, и в обществе главным, определяющим целое, внутри которого только и возможна разумность, является система управления, порядок членов, а не сами члены. В этой связи власть может быть понята как «грамматика социального текста», *правописание* социального бытия.

Язык не произволен, и обречены на неудачу попытки понять его как производное индивида. Но не произвольна и власть, она не в большей степени продукт ее носителя, чем язык — продукт говорящего, скорее, говорящий — продукт языка. Человек, конечно, производит язык, но только после того и вместе с тем как язык производит его «человечность». Язык не производится словами, он первичен по отношению к ним и их порождает. И уж, конечно, не «язык для слова», а «слово для

языка». Индивид тоже не сотворяет общество и власть, не учреждает их, *договорившись* с себе подобными или демонстрируя *силу*, он всегда находит их уже наличествующими.

Непроизвольность власти проявляется в невозможности установления произвольного порядка взаимодействия. Последний исходно складывается как следствие естественного хода вещей, необходимости определенных форм и норм взаимодействия индивидов. Уже распределение добычи в самом примитивном обществе по необходимости упорядочено, не может не отражать ранговую структуру любой устойчивой группы и должно способствовать воспроизводству ее численности. То же и с производственной деятельностью, организация которой изначально не может не опираться на половозрастную структуру, собственно половозрастную иерархию. Определенный порядок взаимодействия, таким образом, — это более чем социальный, это естественно-природный феномен, формы которого принципиально определяются объективными условиями существования группы.

Объективная, естественная необходимость определенного порядка, норм, в которых он проявляется и осуществляется, и ценностей, на которые он опирается, хорошо видна на примере такой ценности, как уважение к старшим. Это может быть исходная ценность, то с чего начинается семья, общество, социальная иерархия как таковая. Уважение к старшим — простейшая естественно-необходимая форма социальности, власти и, кстати, культуры вообще. Эту ценность и вытекающие из нее нормы взаимодействия не установила власть. Это вообще не есть произвольное человеческое установление. Власть может лишь определять конкретные формы, детали реализации, воплощения этой ценности, но не может отменить ее, ибо человек становится человеком в процессе воспитания, которое невозможно без уважения к старшим. Неслучайно эту ценность в качестве важнейшей содержит любая религия.

Взаимосвязь власти и ценностей, ценностные основания устанавливаемого властью порядка социального взаимодействия с социологической точки зрения проанализированы Т. Парсонсом. В работе «Система современных обществ» он писал: «следует подчеркнуть значимость культурной легитимации нормативного порядка общества, поскольку именно ей принадлежит наивысшая позиция. В первую очередь она действует через институционализацию системы ценностей, которая является частью и социетальной и культурной систем. Затем выборочные ценности, являющиеся конкретизациями общих ценностных образцов,

становятся частью каждой конкретной нормы, интегрированной в легитимный порядок [11, с. 26].

Приведем также весьма показательные дефинитивные характеристики власти, предлагаемые известными социальными теоретиками Э. Гидденсом и Д. Истоном. Первый отмечал, что «обладание властью означает способность менять порядок вещей» [5, с. 30]. Истон определяет государственную политику как «властное установление ценностей в конкретном обществе» [12, с. 17]. Философ и политолог А. С. Панарин дает такую характеристику власти: «Власть есть средство борьбы с неопределенностью и хаосом» — и несколько ниже — «она не только олицетворяет порядок, угодный правящим верхам: наряду с этим она олицетворяет и порядок вообще, обуздывая опасные стихии социального хаоса» [13, с. 16, 21].

Все эти высказывания весьма авторитетных ученых свидетельствуют о том, что предлагаемое нами понимание сущности власти находится в русле концептуального подхода, разделяемого в той или иной мере многими исследователями. Конечно, власть — явление сложное и наличие различных подходов к ее пониманию неизбежно, ибо имеется возможность построения ее определений на различных объективных основаниях. Но наличие объективного основания у того или иного определения не говорит еще о его проникновении в сущность предмета. В частности, устойчивая традиция определения власти через понятия «силы» и/или «воли», помимо идеологических мотивов и опоры на кажущуюся непосредственную достоверность, имеет еще и то объективное основание, что обладание властью существенным образом проявляется в обладании ресурсами принуждения. Но это обстоятельство не делает правомерным сведение власти как таковой к возможности применения этих ресурсов, ибо средства власти не есть сама власть. Сущность любого феномена определяется прежде всего его функциональным предназначением. Соответственно, определение власти вообще как «способности индивида навязывать свою волю» приводит к утверждению, что функция власти в обществе состоит если не исключительно, то главным образом в том, чтобы служить средством, орудием, позволяющим «индивиду А» навязать свою волю «индивиду Б». Но такое утверждение, очевидно, сужает действительную функциональную роль власти в обществе. Как говорит Луман, если «статусные различия включены в понятие власти...», то «в рамках столь узких представлений все-таки невозможно судить о значении власти для общества в целом» [6, с. 30]. Он также специально отмечает,

что «власть следует отличать от принуждения» и что определение власти вообще как способности нанесения ущерба «не выявляет характерные упорядочивающие способности власти» [6, с. 18, 15].

Понимание подобных определений как частных, фиксирующих лишь стороны феномена власти, их (определений) концептуальное включение в более широкое системное целое может быть осуществлено на методологическом основании учения Аристотеля о четырех причинах бытия. Власть также существует в силу четырех причин: движущей, материальной, целевой и формальной. Движущая причина власти — это человек, его воля, именно она приводит власть в действие. Материальная причина — это сила, точнее, говоря политологическим языком, ресурсы власти. Целевая — это ценности, то, к чему апеллирует носитель власти, что является ее основанием и придает ей легитимность. И формальная — определенный социальный порядок, способ осуществления власти, наличная система норм взаимодействия индивидов. Человек — лишь «движущая причина» и правитель, управляя, не создает власть, так же как гончар, производя чашу, не создает «чашность» и действует далеко не произвольно. И «сила» не более является сущностью власти, чем глина сущностью чаши.

В заключение можно предложить в качестве имеющего достаточные концептуальные основания общее определение феномена власти как объективно необходимого способа (средства), обязывающего установления ценностно-нормативного порядка взаимодействия в группе. Обладать влас-

тью — значит быть способным к такому обязывающему установлению вне зависимости от того, на чем эта способность основана. В терминологии системного подхода власть, с нашей точки зрения, может быть определена как средство самоорганизации социальной системы, состоящее в ценностно-нормативном упорядочении связей и отношений между ее элементами.

Список цитированных источников

1. *Философский энциклопедический словарь*. — М., 1983.
2. *Философский энциклопедический словарь*. — М., 1997.
3. *Новейший философский словарь*. — Минск, 1999.
4. *Новейшая философская энциклопедия*. — М., 2001. — Т. 1.
5. *Болл, Т. Власть / Т. Болл // Психология и психоанализ власти*. — Самара, 1999. — Т. 1.
6. *Луман, Н. Власть / Н. Луман*. — М., 2001.
7. *Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк*. — М., 1992.
8. *Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль*. — М., 1994. — Т. 3.
9. *Бенвенист, Э. Словарь индоевропейских социальных терминов / Э. Бенвенист*. — М., 1995.
10. *Фуко, М. Слова и вещи / М. Фуко*. — СПб., 1994.
11. *Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс*. — М., 1997.
12. *Дебош, Ш. Введение в политику / Ш. Дебош, Ж.-М. Понтье*. — Минск, 1996.
13. *Панарин, А.С. Политология / А.С. Панарин*. — М., 2000.

Дата поступления статьи в редакцию: 5.11.2007 г.